

ИЛЬЯ СОКОЛОВ

Больше не
уснёшь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Соколов
Больше не уснёшь

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Соколов И.

Больше не уснёшь / И. Соколов — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Забытая красота фантастической ночи. Мистика теней и вирд луны. Манящий голос в темноте. Неясный силуэт, смотрящий на тебя из-за шторы или шкафа... Когда не спишь, представляя себе все это, можно ли уснуть еще больше? Содержит нецензурную брань.

Содержание

[Ночной]{кошмар}	6
Dreamboy	27
Бэтмен: пациент Сайлент Хилла	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

В оформлении обложки использованы иллюстрации с pixabay.com по лицензии CC0.

[Ночной]{кошмар}

α

Моментальный «наплыв», быстрый, как пуля в полёте...

In this hole

That is me

Это ночной кошмар, а не девушка...

The dead are rolling over

Залитый сном угол хижины снаружи. Рассвет прячется где-то в страхе востока. Эмма любит представлением звёзд, летним театром небесной ночи...

The sun has set; all darkens

Зловещая хижина как будто дышит. «Мы созданы, чтобы всё завершить...»

Прощальные порывы ветра скользят по головам деревьев...

Tear me from myself

– Пап, можно мы с Эмкой пойдём играть в лес? Ну туда, за Чёрную Черту?

– Нет, сынок! Нечего вам там делать... Это Чёртова Черта... Это место _ проклято...

– Эмка, пошли спросим у твоих родителей...

What's my release?

What sets me free?

И вот она всё-таки здесь. Она пришла забрать его...

– Кого? У кого? – Режиссёр непонимающе пялится на сценариста, который спит в кресле.

Дверь в помещение тускло открывается, на пороге стоит Туманная Тьма. Она невидимо оглядывает комнату и разочарованно говорит «Никого».

И с силой закрывает дверь...

Do you pull me up just to push me down again?

Сегодня ночью в нашем лесу никакого света. А хижина, говорят, живая... только «слеплена» из мёртвых людей...

– От этого могут возникнуть плохие страшные проблемы!

Как в центре «глаза бури», Хижина Дьявола обнесена частоколом чёрной чащи.

Идти туда одной, а хоть всем миром (сказал ей Старейший), что выстрелить собой в объятья мертвеца на дне его могилы.

«Эмма, ты не доберёшься даже до конца опушки, Эмма, ты не поступишь так с собою, Эмма, оттуда не возвращаются, Эмма...»

Dig bury me underneath

Everything that I was you ain't fuckin' changing me

Gums bleeding

Твои пальцы похолодели, красавица... Забытая в детстве боязнь темноты ядовито обнимает за плечи... Твоё девичье сердце бьётся осколками стёкол в такую Чёрную Полночь, когда твоя рука хватается ампутированную руку двери...

Хищная Хижина Смерти (но в восхищеньи перед Эммой).

Let me help you tie the rope around your neck

Дверь нараспашку, как чёрная луна...

Let me help to chain the weights onto your legs

Первый шаг в пустоту...

Let me help you hold the glock against your head

Темнота манит... Молчаливо-мёртвый магнит...

Dead man dangling from a tight rope

Если бы страх можно было вкалывать, точно наркотик, Эмма непременно умерла б от передозировки.

Хижина внутри – глубокая могила. Эмма в эпицентре сумрачного взрыва.

И слышен лишь удар закрытой двери.

В густом тумане тишины...

Теперь Каждый Выстрел Пульса Эммы Словно Пуля В Сердце...

Девушка как будто смотрит на себя со стороны: через черноту черепной коробки пробивается Взрыв ☒ Кровь ☒ Взрыв ☒ Кровь ☒

Вот в этот-то момент она и понимает, что действительно смотрит на себя: парой метров левее тьму режет вспышка, оставляя шрам.

Хижину проглатывает свет, тяжёлый, как лёгкое покойника, полное колодезной воды. Испуганный взгляд Эммы двойной спиралью переплетается с собой.

Заброшенной ночью в Хижине Смерти на опушке мёртвого леса за запретной Чертой, возможно, единственная лучшая девушка в Мире Живых пришла за Ним, а встретила себя.

– Смотри сюда, она одета просто:

На Эмме старое платье охотницы за демонами (когда нужно превращающееся в плащ), изящные кожаные сапожки, незаменимые в походах на тот свет, и (чтоб туго скрыть девичью грудь) футболка с фотографией картины Мунка «Крик», видневшаяся из V-образного разреза декольте.

Падший подол бесконечно кончается вороньими перьями – отличительный признак потомственного экзорциста.

На среднем пальце правой руки кольцо–калейдоскоп.....

Две капли летнего дождя – её осенние серёжки,,

На шее лунный медальон●

Эмма... Тёмная блондинка, прекрасная, как головная боль диктатора.

– Да, дальше! – орёт режиссёр, одевая на ходу халат уборщика. Он хватает швабру и начинает торопливо подметать опустевшую площадку сцены номер 0.

Кем бы ты ни был: мальчиком или девочкой. Мужчиной или женщиной...

Ты просто проснёшься и увидишь эти страшные ночные сети на окнах.

Ты попался, как рыбёшка, неспособная ничего изменить.

Ты просто лежишь и слышишь глухой шум где-то внутри и вовне.

– Кори, я сейчас умру отсюда...

Чёрный шум разъедает стены твоей вечной спальни. Насмерть прикованный к кровати инвалид печально смотрит с потолка, но растворяется в твоём последнем вздохе... А шум всё ближе и ближе. Через рыбацкую сеть страшнейшего к тебе окна виднеется прозрачное пространство ночи.

Холодная тьма укутала тебя твоим же одеялом. Прятаться поздно.

Секундой позже ты понимаешь, что больше не один (одна).

Тот чёрный шум бесшумно превратился в «человека».

Со всех сторон в молчанье выползают тени...

Повторный приступ одержимости? Шизофрения?? Кома???

Человек без лица и без друга просто стоит где-то внутри и вовне и просто смотрит на то, как ты пытаешься проснуться. Та раковая опухоль у тебя в голове (которую все называют «мозгом») начинает болезненно делиться и через 48 лет разъединяется сама с собой.

А ты ведь так и не проснёшься...

– Значит, он говорит, что это всё ему во сне приснилось? – скептически улыбается мистер Номер. Из глубины комнаты к нему медленно идёт безголовое тело, пестрящее множеством шрамов, в каждом из которых мерцает телешум пустого канала. Острые, как политический анекдот, за знание которого расстреляли 300 человек, кости торчат из мёртвых культей рук. Пень безобразной шеи украшен металлическим узором – зашит железной нитью.

И каждый шов в итоге образует слово.

Господин И Грай поворачивается к Номеру и говорит, размашисто не обратив вниманья на безликий и бесполой труп:

– Он смеет утверждать, что Рон стал бы барабанщиком, а Гарри – гитаристом. И Гермиона – вокалисткой...

Мистер Номер и И Грай сидят за стойкой в гигантском помещении их личных измерений. У каждого в руке стакан, бесконечно повторяющий форму песочных часов.

– Нам, кажется, уже пора...

– Ага. Сейчас заплачу и сдохну...

Оба посетителя бара имени их двоих срastaются в престранную фигуру (покатый треугольник вверх, покатый треугольник вниз).

Пока ты смотришь, как они, в прозрачности вращаясь, двоично превращаются в очередной стакан, к тебе подходит твой безголовый официант.

Он нагибается, чтобы принять заказ.

Специально, чтобы ты видел «слово швов» его подноса-шеи.

Но ты совсем не смотришь на официанта. Твой любопытный взгляд теперь пришит к скужающей блондинке у камина.

А металлические швы ведь всё равно сложились в слово «СОН».

«Я, конечно, в Аду! Окончательно мёртв(...мёртв)...»

Стеклянный протез глазного яблока Земли из Райского сада...

– Для меня нет себя прекрасней/ Но ловлю я свой взгляд напрасно/ Как виденье неуловимо, каждый день прохожу я мимо...

Человек без лица и без друга напевает перед почерневшим зеркалом в ванной.

Тьма гаснет. Сцена уносится в НОВЬ.

Ночь на каждом кончике каждого ржавого зуба Отражённой Эммы.

Это не зубы, а гробовые гвозди...

Чёрно-белая ворона летает по дому.

Аплодисменты крыльев, кошмар улыбки Отражённой Эммы...

А это ведь всего лишь зеркало в углу.

Так же человечно, как привидение инопланетянина.

«Вторая» (первая) Эмма широко раскроет страху глаза и, увидев всё то, что ты смог увидеть, поймёт, что больше не смотрит на своё отраженье...

Загробный крик – и зеркало кошмара уносит ветер тьмы.

Сквозь грязь закрытого в себе пространства доносится взрыв голосов, которые безмерно застывают в Эмме.

Но один заблудившийся снаружи голос попадает в мечущуюся по хижине ворону, точно прожжённая кислотой мусорная корзина в канаву, словно сердце мишени в неподвижно зависшую пулю...

«Твои шаги преследуют меня...

Сейчас всё ещё лето.

Луна – как обручальное кольцо. Как дуло пистолета.

Круг черноты внутри. Глазница пустоты.

Мы выходим на вымерший пляж, а море выглядит зеркальной пустыней.

И на песке твои шаги теряют звук.

Мы смотрим в тёмные волны, нам даже кажется, что море оживёт – из глубины на сушу выйдет монстр, похожий на кошмар из отражений...

Но воды этой ночью тихи.

Этой ночью мы видим город опустевшим.

Твои шаги преследуют меня – этой ночью...

Заходим в старый дом, а он огромен: сотни комнат.

Главный коридор такой длины, что когда ты уходишь в один его конец, а я пою «Nightmare» в другом – меня не слышишь, только шёпот.

Ты возвращаешься и объясняешь: почти весь звук уходит в комнаты на этаже.

Старый отель – все номера для нас открыты, выбирай любой.

Но ты не хочешь: слишком скучно.

Уже на улице твои шаги опять преследуют меня...

Внезапно зал открытого кафе.

Садимся на террасе, столик в центре. Вокруг лишь темнота кружится на ветру.

Во взгляде взгляд. Тепло растает отраженьем...

И напряжение растёт как звук на гранях тишины.

Я предлагаю всё закончить.

Но ты не хочешь: слишком это всё легко.

Тогда пройдемся через парк...

Деревья в темноте – печальные изгибы. Шептанье ветра / снова тишина.

Ты смотришь в небо – полая луна. Нездешний свет лежит на островках полян.

Сорвёшь цветок – он тут же потеряет цвет.

Но ароматом хоть немножко будешь пьян...

Парк падает во тьму за нами.

Пустынный город здесь как будто бы влезает на холмы. Ступени-улицы. Идём под сумрачными облаками...

Все выходы, прощанья и потери: всего лишь двери мимо нас...

Мои шаги, конечно же, твои.

А город умер. Навсегда.

Тьма рассыпается под уличными фонарями...

И здесь любой свободен путь. Для нас.

Сейчас всё ещё лето...»

This puzzle's dead inside

И Эмма всё-таки глаза свои открыла.

Missing pieces growing eyes

Отчаянный вдох темноты...

Mystery

По хижине в крошечной тишине порхают чёрно-белым чьи-то перья.

Little girls severity

Little boys begging mercy

Потусторонне гаснет свет... Смешалось будущее с мёртвым настоящим.

Sticks break on me

Но Эмма только на мгновение забыла, кто ты...

Как голос призрака, из медальона Эммы родился тусклый луч.

Darkened voices plead disease

А стены хижины как будто бы исчезли...

Девчонка-экзорцист теперь одна в центральной точке бесконечной Тьмы.

(Трёхмерный голос Режиссёра: «Но если же – одна, то почему там с ней ещё и ЭТО?!»)

Introverted

А жёлто-серый бледный луч испуганно хватается что-то...

I see death coming, mowing down

Оно, похожее на мертвеца, который больше не похож ни на себя, ни на жертву случайного счастья, просто стоит {как человекообразное слизистое желе} неподалёку... Стоит до тех пор, пока не начинает приближаться.

Was it your cell or was it your tomb

И Эмма слышит, как оно «дышит». Такой, знаешь ли, морщинистый звук.

Dismembering me

С неотвратимостью судьбы самоубийцы оно каждую секунду на шаг дальше от благополучного исхода. К Эмме подбирается страх, хватается когтями за платье. Теперь она в его объятиях.

Оно теперь шепчет ей в ухо (слова скользят по щеке, как осенние листья по могильному камню):

«Дети с гвоздями, вбитыми в обугленные любовью черепа, атакуют твой дом на отшибе... Ты собирался просто позавтракать, но вместо тостов и кофе – неожиданный бой с кошмарными детьми-мертвецами... Если хватит храбрости глянуть в окно, увидишь одного мальчика в окровавленной майке доставщика пиццы... Всё-таки было бы кстати перекусить, пока время есть...»

Пальцы того парнишки вырваны, а на их место вставлены острые гвозди длиной в скорость мысли среднестатистического человека... Помочь тебе никто не сможет – слишком твой дом далеко от нормального мира...

Легион мёртвых детей уже ломится в двери... Ты бежишь вверх по лестнице, хочешь укрыться в комнате на втором этаже... Резко дёргаешь ручку, но ничего не происходит... Дверь заперта... А дети гвоздеголовой толпой уже в доме...

Всё внезапно стихает...

Сейчас ты всех их увидишь... Ну вот и они...

Какая-то девочка зацепилась гвоздями в голени за край верхней ступеньки...

Безвекые глаза полны кровавых слёз (ей жаль, не сможет до тебя добраться)...

Но остальные «держат строй», не торопясь идут к тебе по коридору [гвозди остро карябают стену, оставляя дому кошмарные шрамы]... Но ничего, думаешь ты, другой жилец поклеит обои – и...

Мёртвые дети вдавили тебя в закрытую дверь... Они прибывают к ней твоё тело... Прибывают гвоздями, растущими из собственных тел... И каждый из этих детей кричит твоим криком... Они обнимают тебя...

Перед тем, как исчезнуть, ты всё вспоминаешь...

I'm just like a clock upon the wall

Ты вспоминаешь, что дверь заперта потому, что ты сам закрыл её изнутри перед смертью...»

Always moving, but never going anywhere

Оно лишь слышит тихий голос Эммы:

– Если не перестанешь, порушу всю готику...

Но только крепче ядовитые объятия.

Чтобы вырваться, ей нужно «убежать» в воспоминанья.

– Эмка, смотри, что я нашёл...

– Книжка. Где ты её откопал?

Сине-жёлтый день. На небе после дождя прозрачная радуга.

Мальчик и девочка идут по летнему лугу, любуясь полётами бабочек.

– Пошли на наше место...

Словно своя планета внутри чужой планеты, высокий холм над полумесяцем реки. На нём в лесу воспоминаний оставлен идеальный круг поляны.

«Забытый древними цивилизациями или пришельцами других миров, этот... «предмет» находится здесь со времён появления памяти».

– Ты знаешь, рядом с ним начинаешь чувствовать, насколько существо «человек» ничего не значит.

– Для кого не значит? Для человека?

– Заметил, он опять лежит не там, где раньше...

Каждый раз зеркальный Камень менял положенье. Всегда, сколько бы раз они сюда не приходили, Камень оказывался на новом месте и вокруг него неизменно был слышен немного пугающий шум, к которому Эмма и Кори сумели привыкнуть.

Они уселись на солнышке. Кори раскрыл книжку на начале, но Эмма забрала её у него и, смеясь над озадаченным видом друга, стала листать лица страниц.

Остановилась она только там, где он сказал «хватит».

Эмма облизнула чуть пересохшие губы, улыбнулась и стала читать:

«Как только «выходные» двери, протяжно заорав от удовольствия, захлопнулись, их сразу охватила тьма, с которой Кот начал отважно сражаться, то и дело поскальзываясь, падая, натываясь на стены.

В пылом неистовстве битвы он призывал темноту капитулировать, угрожал кровавой расправой, запугивал вечной враждой, разводом и разрывом всех деловых отношений. Потом Кот уверенно сказал «Тихо!», после чего раздался оглушительный грохот – этот ночной боец что-то уронил. Дальше слышались недовольные окрики, видимо, поломанных растений, а затем посыпалось бряканье разбитого окна регистратуры.

Чёрно-Белая наконец-то клацнула выключателем. Свет озарил поле битвы.

Кот сидел на полу, глаза его сверкали торжеством ярости. Он улыбался улыбкой победителя. Он, как оказалось, содрал со стены единственный кусок обоев в трогательную зелёную полоску; опрокинул с газовой плиты, мирно стоявшей в центре коридора, кастрюлю пельменей, которые тут же разбежались; расколочил надвое коврик для ног; раскритиковал в пух и прах учебник по демонологии; раскрошил плитку шоколада, значенную в учебнике; потоптал зелёные насаждения на подоконниках; разжёл вспышку недовольства персоналом у насекомых обитателей больницы (пауков, тараканов, мух и так далее); сильно нагрел пластилин, доведя его до жидчайшего состояния; буквами нарисовал автопортрет; разрушил чей-то воздушный замок; разбил стекло в карточном домике регистратуры; снёс башенку из домино, возведённую на деньги налогоплательщиков; допил оставленные медсёстрами лекарства; заработал несколько монет пением и умелой игрой на гитаре; потратил все эти средства на существование, купив смешную пару бутербродов; сыграл сам с собой партию в покер; с пользой

провёл время; и невероятно рассмешил Чёрно-Белую своими чёткими, своевременными действиями.

– Сейчас... я осознаю, что я сделал».

Эмма захлопнула книжку. Кори с интересом смотрел на неё.

Девочка, весело улыбаясь, открыла последнюю страницу.

– Прочитаем конец?

Кори и слышать не хотел об этом.

Тогда Эмма захлопнула книжку и отдала её другу.

– Может, положим её вон туда? – он показал в сторону Камня.

– Мы же никогда к нему так близко не подходили! – заволновалась Эмма, но Кори уже направился к «цели».

Зеркальный Камень Кошмаров беспечно мерцал на солнце. Когда Кори приблизился к Камню ещё на несколько метров, Эмма всё-таки решила его остановить. Она вскочила с мягкой травы и уже было побежала за ним, как вдруг что-то резко дёрнуло её сзади.

Эмма испугано обернулась...

Это всего лишь краешек платья зацепился за ветку.

Эмма попыталась быстрее высвободить непослушную ткань, но вредная ветка никак не хотела уступать. Девочка отчаянно рванула подол – и краешек оборвался.

Эмма наконец-то повернулась в сторону друга, готовая кричать, чтоб он остановился, готовая всё ЭТО прекратить...

Но Кори не было. Может, он просто спрятался? Решил её напугать?

«– Сердце! – орёт Кот, хватаясь за грудь. – У меня прихватило сердце... Я думал – это просто несварение. А нет! Это сердце!»

Кори пропал. Она его везде искала, но так и не нашла...

К вечеру Эмма вернулась домой вся зарёванная. Когда она рассказала про исчезновение друга родителям, те даже не поняли, «о каком таком Кори она тут говорит». Тогда Эмма пошла к родителям Кори и сообщила им о пропаже сына, но оказалось, что «у них никогда не было сына»...

И вообще, в общине никто никогда не знал никакого Кори...

Только Эмма.

В пустыне веет ветер – Её отражение в Камне Кошмаров – Ветер летит сквозь макушки высоких деревьев – Бесшумный крик смерти застыл на каждом остром конце – Мокрый песок на опустевшем пляже – Без него, как без себя – Её последние слова – С неба падают слёзы – В пустыне.

Приходится проснуться перед сном...

Эмма опять объята тьмой. Воспоминанья помогли – оно ушло. Что дальше?

– Вот именно!

Листай пустой сценарий, Режиссёр.

Ночь того же дня.

«Сюда! Скорей, сюда! ...Сейчас здесь всё взлетит на воздух, на фиг все отсюда...»

Кори любит представление звёзд, летним театром небесной ночи...

Хижина снаружи – глубокая могила. Кори на краю сумрачного взрыва.

В густом тумане тишины...

У Кори много голосов, но никогда не будет своего.

Always, known in, all my time

A little left of center now

Раздвоенный язык и белые зрачки...

casting stones at me

Из уголков рта – уродливые рассечения щёк. «Улыбка Мертвеца» скользит от уха и до уха.

Goodbye, sunshine

Две линии разрезов, блестя луной, смыкают металлические швы.

I've put it out again

Старый трюк шизофреников [микроскоп из башки; винтовка-открывалка из руки; четыре колеса, как инвалидная коляска вместо ног; жидкий металл, стекающий с краёв пореза; кровавый двигатель в черепной коробке передач; и все чудеса современного протезирования]

I'm over

– Доламывать друг друга начали...

Personalities

– Переезжаю в сон.

Conflicting

«Кори-тварь» красивой девичьей рукой...

I don't need you, or anyone, but me

Да и одет-то он совсем не по последней адской моде:

infecting

I feel alive

Чёрная, как дно могилы ночью, смирительная рубашка с обрубленными рукавами, что подпоясана полоской сброшенной змеиной кожи.

I'll just be, living

my own life

Желтее, чем безумие луны, на Кори надпись «Эмма», и сразу же за ней две двойки повернуты друг к другу там, где больше уж не бьётся сердце.

I feel my glowing center grow

И тёмно-серые штаны патологоанатома, как будто бы скрывавшие вериги.

Кроссовки в виде полушарий человеческого мозга.

pointing fingers at me

Как у его «коллег», поворотная способность головы приобрела «эффект совы».

Ад A.D.

The demons, (but myself), that pull me down (for me and no one else)

А все (кто видит) хотели видеть бы его таким:

Огромная дыра в башке/ Гнилое слово «мёртвенький», пылающее на футболке/ Два длинных провода привинчены в двойной контакт под подбородком/

Крылатая накидка, а за плечами капюшон/ Безумное Ничто мерцает в чёрных дырах глаз/ По пальцам стекает непрерывно кровь из вскрытых вен/

Два металлических штыря отчаянно торчат из плеч/ Покрыты едкой ржавчиной штрихи друг с другом сшитых губ/ В такт взрываю крови в сердце на отвратительном лице теряются и проступают шрамы/ Премемерзкие штаны из лиц людей, как будто говорящих при ходьбе/ А в

роли обуви песок, скользящий по ногам на каждом шаге, секунда за секундой ссохшейся водой текущий из внутренней пустыни.

А лучше бы вообще не видеть...

Но больше всего он похож на {человека}, который ни на кого не похож.

Мертвец с твоим лицом.

В густой черноте перед Хижиной Смерти. Пришёл забрать её...

Пока ты слышишь «Трек 13», который Кори может воспроизвести в любой момент, ветви старых деревьев спутались, как провода.

Пока ты слышишь голос Кори Дарко [двойной – его любимый голос (звук резко/плавно переходит от сочетанья к сочетанью: красотка и старик | любимый человек и привиденье | мужчина-ночь и нудный психиатр | подросток и бездомный | ведущий и немой | игрушка и ребёнок...)], в полуночном лесу оживает тревожный ветер.

Пока ты слышишь последовавший в будущем вопрос, он (в точности как Эмма) хватается ампутированную руку двери...

– Что вы подразумеваете под Судьбой?

– Демонов...

Прекрасный старый дом. в котором ты.

Твоя и только твоя комната. замотанная готескным покрывалом. прозрачно-белый саван.

Но он почти невидим светящейся огнями свеч сегодняшней прошедшей ночью.

Ты ждёшь её. она придёт.

Старуха врывается к тебе, как визг глухого.

Ты сразу же роняешь чашку.

На кожаный ковёр печально льётся чай.

Молодая девушка Старость всегда в её отраженьи.

Старуха хватается бутылку хереса и падает в кресло у камина.

После первого глубокого глотка она, как обычно, говорит не совсем с тобой, а словно бы со всеми.

Голос старухи одиноко звучит то как шелестящий шёпот сжигаемых листьев, то как плаксивая речь повитухи над мёртворождённым, то как сладкая неправда слишком красивой девушки, то как последнее прощание с самим собой.

Она с тобой все ночи напролёт.

Старуха с чувством абсолютной правоты фанатичного алкоголика методично напивается.

И скучно роняет образовавшуюся пустоту в бутылке на пол.

Осколки исчезают словно ветер.

Все эти несколько часов ты недвижим.

Сидишь в чужом углу, от тьмы свечей подальше.

И вот на белой занавеси комнаты кроваво проступает текст.

Старуха всё читает и читает.

А ты теперь Никто. Обычный чёрный ноль.

Так будет длиться до того, пока не вспомнишь...

Пьяная старуха в кресле у камина – твоя родная дочь.

Ты для неё вообще не существуешь.

Ты так и будешь здесь сидеть.
Прекрасный старый дом.
Её и только её комната.

К утру старуха засыпает. Как всегда.
Слова со стен невидимо умрут.

Фантом её отца (не кто-нибудь, а – ты) опять до вечера исчезнет.

Приветливый ветерок бежит по лесной дороге к дому, взбирается весело на холм и, оттолкнувшись от весны под ногами, влетает в ваши окна...

Занавески – белые призраки – замерзают насмерть.
Ветерок мягко (чтобы не разбудить) касается седых волос старухи.
А после падает в камин и обнимает тлеющие угли. гаснут.
Очередной день пройдёт мимо – и ты появишься...

Молодая девушка Старость всегда в твоём отражении.

Осенние деревья, похожие на ржавые гвозди...
Стёртая надпись на могильном камне...
Кори Кровь, павшими листьями летящий на встречу с Великим Никто.
Его раздвоенный голос, шепчущий тьме...
«Ровно через 28 дней, 6 часов, 42 минуты и 12 секунд миру придёт конец».
Чумное трио точек...

В твою квартиру опять прошло что-то.
Сейчас оно хозяйничает на кухне, как у себя дома.
Ты испугано замер в соседней комнате с каким-то текстом в руках:
Сюда пока ещё не пала осень.

Продираясь сквозь сумерки, ты заходишь в автобус, покупаешь билет до бесконечности конечной и устало валишься на сиденье.

Бесконечно...

Проехав сотни километров со скоростью полёта расщеплённой пули, автобус, словно врезавшись в воздух перед собой, резко тормозит у следующей остановки. Опять заходишь Ты.

Внутри салона рябь магнитных искажений. Ты видишь, что в одном с тобой автобусе ждут смешиванья со смертью мистер Номер, Великий Никто и И Грай.

Человек без лица и без друга одиноко сидит у окна.

Ты идёшь по проходу, тенью отражённому в коридор старого дома.

Поверхность чьей-то фотографии на стекле закипает кровью.

Ты устало валишься на сиденье. Без головы подходит контролёр.

Ты роешься в своём кармане (как будто сам себе могилу роешь) и достаёшь билет. Показываешь контролёру. Автобус набирает ход...

Вот падает давление артерий и дорог. Вот свет становится тьмой.

Вот Ты перестал быть собой.

Вот на месте сгоревшей фотки проступает новая картинка:

Через странно-открытую дверь небесно-чёрной хижины видна {напуганная всем происходящим и не случившимся вообще} красивая девушка, смотревшая на всё в тонах необратимых изменений мозга.

А снизу на картине – имя «Эмма».

Кори. Покровитель. Крови.

Ты долго смотришь на этого человека, что уселся в твой офисный стул и глядит на тебя так, будто он один здесь Хозяин...

Его седые волосы словно «скелеты» ленточных червей. Бездонно-чёрные глаза и будто металлические брови.

– Как вы прошли сюда?

– Для вас теперь уже не важно... Мой друг, мы решили поручить вам одно слишком важное для других дело...

– Интересно, но я не занимаюсь всем подряд... Мои услуги лучшего сыщика в истории планеты...

– Ваши услуги нам и нужны.

Ты снимаешь пиджак и обречённо вешаешь на спинку стула.

– В чём заключается суть... нашего дела?

Он зеркально смотрит на тебя. И говорит:

– Фотография.

Твои настенные часы бьются в полуденной истерике.

– Ну и что же на ней такого изображено?

– Всего лишь Ад.

Часы как будто перестали биться.

– Преисподняя!?

– Вот именно... От вас требуется отыскать это фото. В этом конверте всё, что вам будет известно. Используя свои подсказки, вы легко его найдёте. И передадите нам.

– Ладно, а...

– Аванс уже у вас в сейфе. Преступайте немедленно. Как всё исполните, мы сами свяжемся с вами. Прощайте.

Он встал и вышел.

Чёрный конверт на столе. Медленное падение лифта. Дверь. Дверь. Дверь...

Ты выбираешься на улицу так, как только что казнённый сходит с эшафота.

Внутри пылают мысли, снаружи жжёт жара.

Идёшь сквозь город, не зная куда, но точно зная зачем...

Каждодневные страхи толкают в тебя споткнувшуюся прохожую.

Слишком милая девушка ошарашенно смотрит: ты ловко успел подхватить её тело, успел спасти её от падения.

Чёрная женщина-тьма из мёртвого сна. Бездонно глядит чернотой на тебя.

Ты вроде бы хочешь её разбудить: или она тебя будит...

«Это мой мир! Это мой кошмар!»

Ты почему-то выкладываешь этой леди всё.

– Так, значит, Ад на фото, – говорит она, как будто зная что-то.

Тебе пора идти, она берёт себя с тобой.

Только в такси она случайно вспоминает человека, который в состоянии помочь. Вы едете к нему.

Машина. Тень. Пустой подвал.

Сегодня он похож на мертвеца. По крайней мере – так ей показалось.

Две чёрные дыры зашитых глаз. Он сообщает нужный адрес.

На лобовом стекле застыла ночь. Таксист сгнил за рулём, как только прибыли на место. Деревья здесь – чудовищные существа. За ними сразу же провал в земле: огромный котлован. Серый туман скользит по спящим камням.

По ним и вы идёте...

Вот замечаешь очертания: огромный вход куда-то вниз чернеет пустотой.

– Глубокая, наверно, дырка... – ошеломлённо говорит она.

Серый туман скользит в туннель.

Ты с твоей спутницей – за ним...

Прощальное паденье через ночь. Всё медленнее льётся ваше время.

Незримый коридор туннеля в Ничто уходит под углом. А на его конце пустая комната застыла тьмой.

– Что дальше?

– А тот конверт с тобой?

Ты вынимаешь из кармана светящееся нечто. И сразу стены «комнаты» сдвигаются на свет. Ты и она пытаетесь прорваться в коридор, но вход туманом затянуло, и он отталкивает вас.

Ты и она уже вплотную да так, что ближе некуда. А стены давят и давят...

Вам остаётся лишь сдвоиться.

Такое чувство, что сам попал в конверт.

– Ты больше не живёшь, ты умираешь.

«Чёрно-белой кровью – ты всё заливаешь...»

– Это самый неудачный аборт на планете... Полнейшая фригидность. И можешь забыть навсегда радости материнства, милая, которого теперь не будет. Никогда...

Чёрный халат доктора Смерть.

Твои глаза зарёванной девчонки...

Туман загробно опадает. Конверт «горит» у Вас в руке.

Преисподняя.

«От вас требуется отыскать это фото. В этом конверте всё, что вам будет известно...»

Стены странной комнаты отползли так далеко, что их теперь вообще не видно.

Вы одиноко стоите в эпицентре подземелья. Где-то наверху плещется ночь.

Чёрный конверт внезапно гаснет. Зато над Вами вспыхивает свет.

Голос какой-то девушки в твоей голове советует Вам «просто сделать это...»

Открыть конверт.

Последняя подсказка.

Какие острые края, не вскрыть бы ими вены...

Пустой конверт, как чёрный лист, бесшумно падает в туман.

В Вашей руке осталось только фото...

На нём – какой-то человек.

«Постой-ка, дай подумать... Это ты».

Твои глаза зарёванной девчонки...

Туман скользит куда-то в Никуда.

Восьмая Земля. Седьмое Небо.
Ад ждёт.

А за тобой уже идут они...
Объёмные. Живые. Тени мертвецов.

Кори как-то сказал Эмме: Когда ты живёшь в такой вот общине { как наша }, тебе самому придётся выдумывать мир...

Кори Кролик.
Девочка-мечта.
Кори Дарко.
– Я сама тьма...

Любовь с последнего взгляда.
Страх перед прошлым.

Получил очередную порцию галлюцинаций:
Парень пришёл в ВельзеВУЗ в маске.

Была одна пара, на которую вообще можно было не приходить, но все на неё ходили постоянно, потому как ведущий преподаватель (самый скрытый шизоид) препарировал не всегда мёртвых, брошенных на каменный стол у доски, пациентов, пытаясь выяснить причину их жизни в присутствии внимающих студентов. Он вынимал пластиковые ножницы, игрушечный острый совочек для песка, поролоновый скальпель и, вооружившись отвратной рожей, начал потрошить.

Все это называли «раскрыть тему»...

Хермионина Херроуз скучала на самом последнем ряду. Аудитория была воистину огромна – 666 метров чёрно-освещённой свечами длины на 252 метра прозрачной ширины.

Ночное небо потолка затянуло туманом.

– Как бы дождь не пошёл, – сказала Хермионина тёмной пустоте вокруг.

Больше всего сейчас ей не хотелось замочить свои лекционные тетрадки (а точнее – красивые и страшные рисунки в них).

В очень далёком начале помещенья препарлируемый «пациент» вырвался и сбежал. В готические арки окон врвался ветер.

Он и разнёс вести об окончании занятия. Хермионина Херроуз стала складывать тетрадки в сумку.

– Извини... ты мне не поможешь?

Она подняла глаза на голос: прямо перед ней, укутанный тьмой, стоял самый незнакомый ей парень. И почему-то в маске.

– В чём помочь?

Он ей не понравился сразу. Посмел «с мясом оторвать» её от собственных мыслей.

You tried to kill me, I'm already dead to this world

«Да ты, наверно, мёртвый...»

– Понимаешь... Я – новенький... Ты бы могла мне... себя показать...?

– Чего!?

– Могла бы тут всё показать?

А ей послышалось совсем другое. Она наконец-то затолкнула последнюю свою тетрадку в сумку.

– Мне некогда.

Хермионина пошла через ряды по «коридору», а парень в маске следовал за ней. Пройдя примерно треть пути до двери, она сердито обернулась.

Новенький сидел у прохода и с интересом смотрел на неё.

В бледно-жёлтом свете свечи его маска казалась ей ликом Чёрной Луны.

В нежно-жёлтом свете свечи её лицо ему казалось лучшей маской.

Единственная чёрная ворона среди гротескного числа седых овец.

– А у тебя, по-моему, красивые глаза.

Смущением пылающие щеки она, шагнув к нему, прикрыла темнотой.

– Ты ищешь для осмотра что-нибудь конкретное?

– Конечно...

Теперь уже она стояла перед ним.

– Мне надо бы найти здесь Комнату Кошмаров.

– Но кто же ты такой?

– Я самый весёлый персонаж с картины Гигера...

– Мне следовало догадаться.

– Так, значит, ты готова мне помочь?

– Ещё бы...

Как только они вдвоём успешно добрались до двери, в аудиторию нагрянул дождь.

– Чуть не вымокли, – перевела дух на несколько секунд вперёд обрадованная Херроуз.

– Мне дождь напоминает о тебе...

Быть может, ей опять послышалось.

Он говорит:

– Мне дождь напоминает слёзы...

Они идут так близко друг от друга, что между ними можно втиснуть бесконечность. А мимо «проплывают» остальные. Кое у кого из толпы левые руки такие длинные, что волочатся по земле. Сам коридор заасфальтирован, но кое-где ты (в маске) натыкаешься на самую кладбищенскую почву.

– Давай возьмём мотоцикл... Ну, если ты точно знаешь, куда мы попадём.

– Идёт... – она красиво улыбнулась. – Мотоцикл-Бой – мой любимый герой.

Но свободных мотоциклов они так и не нашли.

Пришлось пешком добираться до места.

– Стоило бы посадить здесь деревья.

– Они бы здесь не прижились, – Хермионина указывает в сторону растущих из пола гротескных крестов, на каждом из которых двоичная антенна (приём идёт из Ада в Рай). – Деревьев и на улице хватает...

Парень в маске остановился у разгорячённой двери:

– А это не она?

– Это – туалетная комната для девочек, – строго сообщила ему Хермионина.

– Почти, но не подходит...

Студенты ВельзеВУЗа текли в обе стороны огромного коридора, кое-кто нёсся на следующую пару, оседлав двухсторонний велосипед, кто-то воспользовался электро-дорогой, снова сломавшейся от перегрузки, а Хермионина и парень в маске шли и шли...

Вот они влезли в лифт (всё потому, что Хермионина: «Нам, видимо, в подвал»).

Пылающая кнопка «вниз», украдкой оглядел её воистину небесное тело.

Помедленнее, лифт, не торопись; до Комнаты Кошмаров лишь кроме нас двоих кому какое дело...

Лифт оказался таким тесным, что пришлось подобраться вплотную.

«Бежим в неизбежность...»

– Мы друг в друга вляпались... – сказал «туманом темноты».

Она лишь усмехнулась.

Поездка вниз

вниз

вниз...

Внезапно «одноместный» лифт остановился. И внутрь заскочил красивый мёртвый мальчик лет восьми.

Он улыбнулся, Херроуз завизжала...

Всё дело в том, что у мальчика, обнявшего её так крепко и так нагло, из глаз смотрела чернота. А вместо обычных человеческих зубов во рту болтались мерзопакостные скобы, изъеденные ржавчиной с рождения.

– Отцепи его от меня! – в пугливой панике потребовала «Хермиона».

Парень в маске даже сделать ничего не успел, как мёртвоглазого школьника (чудом отбившегося от очередной адской экскурсии) стало через задний проход выворачивать наизнанку.

Хермионина и Маска успели вовремя покинуть непригодный лифт. Внутри остался только крик, который и упал на дно в подвал.

– Какой это этаж? – Он ей.

Она:

– Для нас ещё не важно...

Мутно-зелёный коридор громадно-бесконечным саркофагом изломано скользил в пространство.

Пройдя вперёд минут 13 они остановили Человека с раздутым чувством гражданской ответственности, получившего паспорт в 4 года, и спросили у него, как попасть в подвал ВельзеВУЗа.

Человек с раздутым чувством гражданской ответственности, получивший паспорт в 4 года, сообщил, что им очень нужно «не ходить туда вообще», но путь к подвалу указал.

Добрались! Мы добрались. Мы...

Настежь дубовая дверь, открывшаяся только сквозняком.

Нежность мёртвого эха шагов по ослепшим ступеням.

Хермионина и парень в маске пугающе одни в пустом подвале.

Они уже приглашены, их бледной темнотой до Комнаты Кошмаров провожают.

– Тебе со мной не слишком страшно?

Она: Куда страшнее без тебя...

Резко распахнутая крышка кабинета (на месте ручки – просто гвоздь):

Очередной учитель. Без переносицы, глаза срослись. Одет в костюм из чьей-то кожи. И вместо нижней челюсти – протез (ему так кажется, что с ним он выглядит моложе)...

А дальше этот чёртов учитель сразу же поймёт, зачем они сюда пришли.

Он осознает всю безответственность их действий. «Отправиться в подвал прогуливать уроки!» Немыслимая мразь...

А дальше он «взорвётся».

Их обдало волной... Кишки. Ошмётки. Грязь...

И тишину захлопнул крик, себя изрезал на кусочки.

Хермионина красиво смотрела на своего спутника самыми испуганными глазами. А он пытался разглядеть конец тьмы коридора.

И снова чей-то крик.

Они [как намертво] застыли в лабиринте подземелья.

Безногие, двухстворчатые существа уже ползут в их направлении.

Она ему: Бежим!

Двумерные химеры передвигаются по стенам...

Хермионина и парень в маске добежали до первого поворота. За ним увиделся им теперь безликий человек. Слишком широкий в плечах, чтобы сразу двоим его обогнуть.

Херроуз больно наткнулась на безликого человека и упала на каменный пол.

Парень в маске, остановившись, смотрит на то, как безликий толстяк огромного роста, медленно повернувшись, продолжает поворачиваться и поворачиваться.

Вот он совсем обычно вертится вокруг своей оси со скоростью последне-мёртвого импульса-иглы в мозгу безумца.

Примерная студентка ВельзеВУЗа Херроуз уже на ногах.

Она хватается за Маску и бежать. Безликий человек, конечно, превратился в смерч. Он страшно устремляется за ними.

По подземелью пронёсся жуткий звук горящей эктоплазмы.

И Хермионина бросает на бегу:

– Ты знаешь... что Комната Кошмаров нас зовёт... Бежим на крик... она!..

Далеко впереди по коридору действительно

Бежать бежать

Раздвоенный смерч чем-то беззвучно раздавлен

Инсценировка гибели Земли

Дымные твари коридор прозрачно заполняли

В чудовищной клетке Я исчезает

Их больше видеть не могли

В глазах пылает тьма

И комната закрыта...

|| = ||

Хермионина и парень в маске, словно две застывшие насмерть занавески, стоят посреди Комнаты и ждут своих Кошмаров.

Они как привидения живых...

Безумно белое помещение: где дверь – теперь не разберёшь. Они держатся за руки, чтоб не смешаться (а то в такой вот комнате можно потерять свою «личность», превратив её в ближайшего человека).

– В этой маске у тебя голос, как дым тьмы...

– Может, ты её снимешь?

В ответ на его просьбу она мягко коснулась мёртвых застёжек.

Маска отошла от лица. Паденье тьмы на белый пол.

– Боже... как мы с тобой похожи... – её голос, восхищением встревоженный.
Парень без маски и Хермионина Херроуз в комнате цвета прошлогоднего снега заперты друг против друга.

– А мы ведь даже не знакомы, – она красиво улыбнулась.

– Ну это мы ещё успеем...

– Зато теперь я точно понимаю – кто ты.

– Да?

– Ты самый весёлый персонаж с картины Гигера...

Шёпот мёртвой листвы – Плач невидимых листьев – Пожелтелая шаль тьмою в небе нависнет – Падший вечер шалью на плечи – За вуалью чёрт или нечет...

Хермионина и парень без маски отражаются в зеркале Камня Кошмаров.

Он говорит:

– Мы не созданы друг для друга...

Она говорит:

– Мы созданы, чтобы друг другом быть.

≠ = ≠

Её горящий кровью труп падает к твоим ногам. Она с зашитыми глазами.

«Во сне открой свои глаза...»

Труп твоей старшей сестры хватается руками воздух, а ты испуганно отскакиваешь в сторону.

«Бежать от кладбища подальше!»

Дымные монстры в гостиной танцуют навзрыд.

Ты пробегаешь по лестнице вниз, пока труп твоей старшей сестры пытается встать. В этот момент дом лишился дверей. Теперь на их месте телобетонная кладка. Когда ты понимаешь, что больше отсюда не выйдешь, труп делает первый шаг по ступеням.

«И зачем её запихнули в этот чулан?»

А ты (12-летняя девочка по имени Эмма) теперь не знаешь, что и делать.

Демон вселился в труп твоей старшей сестры.

Она уже преодолела путь к тебе, и хочет вновь хоть раз тебя увидеть.

Но жестокие швы плотно веки сплели.

Ослеплённый мертвец жизнь заметил вдали...

Твоя мёртвая сила внутри запеклась и взорвётся (как не проси...)

Твоя мёртвая сестра подобралась почти вплотную. Горящий кровью воздух навзрыд дверей в чулан преодолела жестокие швы 12-летняя девочка демон...

...Ты экзорцируешь её...

Последний взгляд – и демон испарился.

Мертвецки-мёртво труп сестры упал к твоим ногам...

Рыдающий туман в пустой гостиной.

Девочка по имени Эмма выходит из тёмного дома, устало садится на ступени крыльца. Платице перепачкано, в чёрной накидке большая дыра.

Зато она справилась, она победила.

Смотря на то, как перед рассветом медленно тает луна, Эмма думает о других девочках, названных так же.

Похоже, теперь весь мир никогда не проснётся.

Темнейшие стороны сна...

Он появляется под «Трек 13», точь-в-точь как призрак из Венериных зеркал.

Кори Кролик.

Кори Дарко.

Кори Кровь.

Девчонка-экзорцист во тьме, опять напугана до полной смерти.

Невидимая песня гаснет. И демон говорит:

– Теперь мы снова вместе, Эмка...

Парень-ночь. Девочка-день...

– Я всё-таки тебя нашла!

Печаль ушла в туманность мозга.

Печали больше нет.

Из складок платья появляется зеркальный нож.

Тьма в хижине, любовные объятия.

Кольцо–калейдоскоп касается костлявой рукоятки.

Тот самый потерянный Кори.

Уродлив демон.

Луна в открытое оконце, они садятся на кровать.

Не жить, а только умирать...

Если б любовь можно было вкалывать, точно наркотик, Эмма непременно умерла бы от передозировки.

– Я так люблю тебя ненавидеть...

Чёрно-белая магия Слова...

Заброшенной ночью в Хижине Смерти на опушке мёртвого леса за запретной Чертой, возможно, единственная лучшая девушка в Мире Живых пришла за Ним.

Если бы ненависть можно было вколоть точно в сердце.

Прозрачность чувства Смерти.

Удар ножом. Мёртвёрд...

И мир замкнулся поцелуем.

Кровавая улыбка Эммы.

В пустыне веет ветер.

Безмерно мёртвые моря.

Никакого облака-Рая.

Никакого огня в Аду.

Жёлтое небо рождает каменный дождь.

Человек без лица и без друга – забытый путник погибает под камнями...

Пустые призраки из глаз.

Закрашенное время коридора.

Падшие ангелы – парящие над городскими горами стеклянные листья.

Раненое утро совсем скоро придёт.
Ночь завершалась с востока...
Погребальное пламя на чужом берегу.
Время смерти с тобой...
И чьё-нибудь рождение.
Развоплощение расщепления.
Жизнь – потеря всего.
Девушка Эмма шагает одна в никуда.

Это ночной кошмар, а не девушка...

Залитый сном-монолитом угол хижины снаружи. Пряный рассвет.
Весна или осень.
Эмма не помнит, потеряла счёт одинаковым дням.

Индийский талисман свисает паутиной над кроватью.
Ловец снов. Ловец призраков.
Эмма наконец-то проснулась.
Для мира – Хижина Смерти, а для неё – всего лишь вечный дом.

Потому что тогда, отчаявшись, она отправилась к Камню, в котором «пропал» её друг.
Зеркальный Камень Кошмаров. Пугающий шум.
Эмма коснулась его...
Мёртвый шёпот ночного кошмара.

Она не найдёт теперь Кори.
Её затянуло в тот Камень. Совсем. Навсегда.
Эмма так и «живёт» в Хижине Смерти. Где сон – это всё.

Исчезновение последней точки.
Особенный, ужасный, постоянный. Но только для неё...
Дневной кошмар

α

Моментальный «наплыв», быстрый, как пуля в полёте...
Мимо 17го прошелестела очередная парочка девчонок.
Красивые... Отвёл глаза, как будто не заметил. А впереди ещё одни...
По улицам скользили призраки-такси (прозрачные машины с радиоактивно-спящей чернотой внутри). Ультра-лучи лились на городские коридоры.
17ый засёк логическую вспышку в одном из верхних окон, но долго это не продлилось.
Он просто шёл дальше, не думая о важности пути.
– 17ый, привет!
Его вишнёвые глаза застыли на остановившейся девчонке.
252ая держала в руках какого-то кота.
– Привет. Куда собралась?
– Да, в общем-то, хотела тебя встретить... А ты куда идёшь?
Вишнёвые глаза при взгляде на неё смотрели в Вечность.
– Так... решил поиграть.

Улица ползла как эскалатор. Всё как везде: зеркальная реклама, секс-одежда, ожившие герои мёртвых книг.

«Назову кога... Кори...»

Глупая девчонка, она же знает – нечисловые имена давно запрещены...

А вслух: как хочешь.

Вдвоём шли дальше.

– Далеко идти?

– Устала? – заботливые нотки для неё.

Усмешка:

– Кот устал...

Заброшенная стройка мерцала как фантом, изображённый на картине художника-безумца. Вместо ограды-сторожа – предупреждающие знаки.

17ый с друзьями играл здесь в индастриал-соккер (сверхлёгкий металлический мяч, обшитый мозговой кожей). Дальний лифт сносно работал, на нём можно быстро добраться до крыши. Брошенный дом. Просто старая стройка.

Не всё в Городе доводилось до конца, но почти всё к Концу приводило...

Полутёмный коридор подвала закончился лестницей.

Пока 17ый и 252ая шли по ней вверх, неровные дыры в ступенях как будто шагали за ними.

Кот, спавший в объятиях хозяйки, еле заметно забеспокоился (рваные полосы измерения Сна). Девчонка и парень вышли на сумрачный свет Главного Зала. Здесь не увидишь железные лица прохожих. Шум городских коридоров не слышал себя, как глухой. Тени колонн, разбитые плиты.

В биполярном сравнении с Центральным Инфо-каналом это мёртвое место казалось самым живым.

Сейчас – слишком тихим.

Они двинулись по Главному Залу. 17ый как всегда наслаждался ощущением солнечной пыли, скользящей из выбитых стёкол.

В пустых проёмах пылал полуденный Город.

252ая, поражённая зрелищем, замерла напротив Небесной Стены. Она видела непрерывную тьму металлических кирпичей из которой сияли тысячи маленьких дырочек, отражаясь во фразе «звёздная ночь».

– Как же красиво... – её гипноз и восторг.

– Мне она тоже нравится, – он подошёл. – Когда мы с друзьями увидели её впервые, то один даже с ума на время сошёл от уровня потрясения.

– Надеюсь, не ты? – опять усмехнулась.

252ая устремилась к Небесной Стене, готовая утонуть в ней непрожитыми годами. Она повернулась к нему и, весело улыбаясь, прижалась к звездному небу. Кот на руках мирно спал.

17ый любовался этой девчонкой. Живая картинка трёхмерного Счастья.

Наконец она отвернулась и стала рассматривать Стену.

– Ты знаешь, здесь какое-то имя...

Она волнительно поманила, он подошёл.

На металлической черноте в центре «созвездья» покоилась надпись, подобная новому шраму.

– Эмма... – будто позвал тишину.

– Странно, ведь правда?

Тускло задумалась, отходя от Стены.

Ответил: не знаю.

Ей показалось, что слышится шум. 17ый тревожно взглянул. Пространство времени сжималось. Кот проснулся и вырвался из рук хозяйки. Громко мякнув, он кинулся прочь.

Девочка-ночь побежала догонять непослушного питомца. 17ый, держась прямо за ней, заметил, что шум слышен сильнее.

Они потоками птиц пронесли по Главному Залу и, завернув в огромную арку, стали сквозняками петлять через пустые проёмы...

Кот ждал их у Камня.

Пугающий шум рождался из глубины его зеркальной поверхности, 17ый и 252ая смотрели на странные взгляды своих отражений.

Спросила:

– А это раньше здесь было?

Ответил:

– Я точно знаю, что нет... Откуда это вообще?!

Не обращая внимания на их разговор, кот приблизился к необычному Камню и приготовился прыгнуть.

В этот мёртвый момент интерес на реакцию при атаке был для него превыше всего... Девчонка и парень не сразу заметили, что кот куда-то исчез.

– Наверное, он прячется за этой штукой?

Она приблизилась к зеркальному чуду.

Успела лишь услышать то, как 17ый сказал:

– А может, прямо в ней?

Случайное прикосновенье...

И мир исчез.

Пустая бесконечность сна...

Остался лишь ночной кошмар.

Dreamboy

Блондиночка + Я... Полярные поляны снега.

Мы шагали вне бури и даже не хотели замечать, что она внезапно прошла мимо нас – навсегда...

Ледяные осколки (как зубья пилы) торчат из промёрзших деревьев.

Спокойное небо, мерцающий снег так похож на бледные листья бумаги. Блондиночка листает свой чёрный блокнот, глядит на часы. Время (обеда) закончилось. В кафе почти никого: пара покойников, священник и я... Она убирает в сумку блокнот и быстро шагает к выходу мимо меня, даже не захотев заметить шикарную фотографию ледяной бури, которая до сих пор висит у меня за спиной... Я встаю со своего места, иду к этой фотке и выключаю изображение в рамке – навсегда(?)

Выйдя из кафе, Блондиночка спешит по коридору к лифтам. Один короткий взгляд в иллюминатор – и ей сразу ясно: дирижабль уже набрал высоту... Скорее в лифт! Она успевает в самый предпоследний момент перед тем, как я чуть было не закрыл двери лёгким нажатием кнопки.

Блондиночка вежливо улыбается, едва посмотрев в мою сторону...

Мы очень молча едем на нижний уровень «Туманного Сна» (такое имя дали нашему дирижаблю несколько тысяч лет тому сейчас)...

Только я решился сказать ей хоть что-нибудь – двери лифта открылись. Вот я смотрю, как она (без единого намёка на мысли обо мне) быстро уходит вдаль коридора...

Блондиночка – Я... Мягкий песок океанского пляжа. На ней удобный купальник чёрно-небесного цвета. Она с интересом читает статью о бесследном исчезновении самого старого дирижабля планеты, а склонённые пальмы словно заглядывают ей через плечо, пытаясь узнать – что же там пишут в этой газете...

Чешую и рыбы внутренности я завернул в газету, покинув свою ещё не обжитую комнатушку, пошёл выбрасывать в мусоропровод (чтоб не копить эту мерзость в помойном ведре)... Блондиночка спускается по лестнице мне навстречу: на ней зелёный дождевик (ведь на улице осень и дождь)... Она неловко задевает меня локтем, беспардонно выбив свёрток из моих рук – фарфоровый букет цветов в виде бутылки дешёвого вина, обёрнутый подарочной бумагой – падает куда-то вниз и разбивается о ступеньки...

Блондиночка ± Я... Огненный смерч палой листвы гаснет на дне весеннего ручейка. Умирающий снег без возврата тает под ласковым солнцем. На деревьях воскреснет листва...

Блондиночка ждёт меня за нашим любимым столиком в полупустом кафе.

Ей не нужны цветы, какие-то подарки...

Ей нужен только я – навсегда.

Блондиночка смотрит на весну за окном и с волнением ждёт, когда я приду... Она хочет сказать мне, что любит (очень сильно любит) одного лишь меня, и никто ей больше не нужен...

Она заказывает ещё кофе (а позже ей придётся повторить свой заказ несколько раз)...

Потому, что я так и не приду.

Я – мягкий песок океанского пляжа...

Я – огненный смерч палой листвы...

Я – поле полярного снега...

Блондиночка смотрит через весну за окном (и больше не ждёт).

Медленно, но без сожалений, вычеркнув моё имя, она закрывает свой чёрный блокнот...

Ледяные зубы пилы изображение в рамке лифт набрал высоту туманного сна тысяч лет
без намёка удобный купальник пытаюсь узнать рыбы внутренности обёрнутый подарочной
бумагой гаснет на дне в полупустом кафе...

Блондиночка глядит на часы.

Время закончилось.

Бэтмен: пациент Сайлент Хилла

Коридор клиники Аркхэм укутан вечерней мглой. Я бесшумно иду к своей цели. Виктор Фриз. Безумный «доктор Лёд». На этот раз ты не скроешься...

Мой верный друг старина-комиссар Г'ордон вовремя подал сигнал: зловещий силуэт летучей мыши вспыхнул над городом. Через 20 минут я был на крыше окружного департамента полиции. Комиссар рассказал суть проблемы.

В психиатрической лечебнице для сумасшедших преступников (клинике Аркхэм) попытка побега. Заключённый мистер Фриз напал на санитаров и скрылся в холодных подвалах Аркхэма. Он, возможно, уже вооружён и, без сомнения, очень опасен.

– Надежда только на тебя, Бэтмен, – усатый комиссар смотрел печальными глазами сквозь очки.

– Как обычно... Не волнуйся, я разберусь с Фризом, пора ему слегка согреться. В клинике самое время запустить сезон отопления.

Добравшись до острова, на котором стояла лечебница, я оставил свой бэтмобиль на мосту и пробрался в здание. Готический ад внутри и снаружи. Коридор укутан вечерней мглой. Лучшее место и время для летучей мыши.

Психбольницу номер 4 почти накрыла ночь. Облетелые деревья за окнами кабинета Виктора Михайловича Фрименбаума как будто тосковали по дому. Сам же доктор ждал конца своей смены, мечтая о будущих выходных и весёлой встрече с внуками (малыши души не чаяли в дедушке, обожали их совместные путешествия в развлекательный центр, его подарки и сказки на ночь).

Виктор Михайлович ждал последнего на сегодня пациента.

Усевшись в мягкое кресло, он придвинул настольную лампу чуть ближе, потёр ладонями усталые глаза и, мягко вздохнув, открыл личное дело своего подопечного.

«Борис Иванов, пациент номер 34. Шизофрения, склонность к маниакально-депрессивным состояниям. Подозрения на симуляцию (возможно, уклонист от службы в армии). Второй месяц амбулаторного лечения не принёс видимых изменений. Принимает следующие препараты...» Дальше шёл перечень лекарств, Виктор Михайлович пробежал эту информацию взглядом, остановился на характеристике личности больного.

«Наблюдаемый Иванов: 22 года, сын обеспеченных родителей (они в разводе), образование высшее техническое, работал в крупной компьютерной фирме. Увлечения: кино, компьютерные игры, комиксы. Первое проявление болезни случилось на рабочем месте (начал жаловаться, что шум в системном блоке ПК «сводит его с ума», советуя «отомстить за смерть родителей»). Пациент считает себя Брюсом Вэйном, то есть человеком-летучей мышью (Бэтменом), знаменитым героем, защитником города Готэма, «истинным Тёмным Рыцарем»... Не различает реальность и собственные фантазии. Подвержен кошмарам, галлюцинациям, шизофреническому бреду. Жалуется на бессонницу...»

Доктор Фрименбаум закрыл папку с номером 34.

Острое чувство печали охватывало старого врача всегда, стоило только прочесть нечто подобное в клинических картах. Казалось бы – обеспеченный молодой человек, образование, работа, перспективы. Вся жизнь! И тут такое... Бэтмен. Борис Иванов, Брюс Вэйн... Игры, фильмы эти дурацкие... Может, парень так только от армии косит? Просто притворяется. И никакой он не сумасшедший? Но ведь психиатрическая экспертиза показала ясную картину. Комиссия не могла допустить ошибку.

Виктор Михайлович сам был в составе той комиссии. Поступивший на освидетельствование невменяемости Иванов не смог бы его обмануть. Такое не симулируют.

Тех, кто хитрит, Фрименбаум видел на своём веку предостаточно. И научился их легко распознавать. Но случай Бори Иванова стал чем-то совершенно новым в практике опытного врача. Безумец-герой из комиксов, считающий себя спасителем несуществующего города от выдуманных злодеев и напастей. Этот молодой человек не заслужил такой участи, считал Виктор Михайлович. Совсем не заслужил.

Испуганный санитар стоял у двери в одну из камер. Я подошёл ближе и тихо спросил:
– Ты видел Виктора Фриза? Он там?

Санитар промямлил что-то невнятное, кивнул в сторону двери. Он был сильно напуган. Он точно видел беглеца.

Фриз покинул холодные катакомбы подвала и пробрался сюда. Ищет союзников? В этой камере содержался Пингвин? Двуликий? Крок? Или даже Джокер? Я оставался спокоен в своей маске. Дверь открывалась с едва заметным скрипом. Мистер Фриз был внутри...

Виктор Михайлович отвернулся от окон, когда в кабинет зашли двое: санитар вёл пациента. Борис Иванов, одетый в обычную больничную пижаму, остановился у стола. Лампа освещала лишь нижнюю половину его лица, создавая впечатление, будто Иванов надел маску.

– Здравствуй, Боря. Прошу, садись. Нам нужно поговорить, – доктор Фрименбаум отошёл от окон, в который раз за вечер уселся в своё кресло и сложил руки на папке для бумаг с номером 34. Пациент Иванов не двинулся с места. Санитар, стоявший с ним рядом, заметно напрягся, готовый к любым проявлениям буйного нрава больного. Борис Иванов произнёс:

– Доктор Фриз... Тебе придётся вернуться в камеру. Для тебя здесь слишком тепло...

Виктор Михайлович опасался следующих событий, потому что предвидел их и меньше всего хотел, чтобы это произошло. С виду вполне обычный, симпатичный парень Боря Иванов, слегка похожий на какого-то киноактёра, бросился через стол, сбив рукой лампу, и вцепился в горло своего лечащего врача. Санитару не сразу удалось оттащить его к шкафу с документами. Борис вырывался, злобно рычал что-то невнятное. Виктор Михайлович быстро достал шприц из кармана своего белого до боли в глазах халата и ловким движением вколол успокоительное застывшему на несколько секунд пациенту.

Иванов безвольно обмяк в крепких «объятиях» санитаря.

– Задал ты нам жару, голубчик, – Виктор Михайлович перевёл дух, закрыл иглу шприца пластиковым колпачком и положил его на стол. – Дмитрий, уложите, пожалуйста, нашего супергероя на его кровать.

Санитар кивнул и выволок пациента номер 34 из кабинета.

Опрокинутая лампа не разбилась. Она лежала на полу у стола, отбрасывая тусклый свет на стены, точно прожектор, направленный в туманное ночное небо. Виктор Михайлович нагнулся, чтобы поднять её и поставить на место, но вдруг заметил зловещий силуэт, возникший на самом краю его периферического зрения. Доктор резко повернул голову к этому силуэту – со стены на него «глядело» жуткое пятно. Оно напоминало летучую мышь, раскинувшую крылья в полёте...

Через пару мгновений Виктор Михайлович весело улыбнулся. Это была его тень, причудливо отброшенная светом сбитой со стола лампы.

Такой вот «подарок» пациента Бэтмена. Доктор Фрименбаум вернул лампу на стол, снял больничный халат и стал собираться домой.

«Что же всё-таки с этим Ивановым случилось? Рассчитывает диагноз на всю жизнь получить, так это дело почти решённое. Но ведь он себя так ведёт, словно собирается здесь навсегда остаться. Или действительно не понимает, что реально, а что нет... Будто настоящий псих».

Напрочь забывший про приятное планирование предстоящих выходных, Виктор Михайлович вышел из кабинета.

Санитар Дима дотащил полуобморочного Иванова до его палаты. Остальные пациенты уже спали или притворялись, что спят. Скупой свет уличных фонарей прорывался через оконные решётки. Канавы этого жёлтого света на полу нагоняли тоску. Санитар водрузил свою ношу на койку у ближней стены и ушёл. Запертые двери шестого отделения как будто сковывали весь этаж невидимой смирительной рубашкой.

Психиатрическая лечебница уплывала в ночь на волнах дурмана...

Пациент Иванов давно уснул и видел сон:

Я помню эту игру... «Откуда же?» Проходил её ещё в школе. И после несколько раз, ради удовольствия. «Но кто я, кто?» Интересно было всегда, а ведь у них там предусмотрены сразу несколько концовок, смотря как будешь проходить сюжет игры на всём пути.

Музыка просто зачарованная... Очень необычная музыка. Я слышу её прямо сейчас. Я больше не Брюс Вэйн. А кто тогда? Пока непонятно...

Зато я точно знаю – где я. В Сайлент Хилле, и больше нигде.

Маленький город на озере, скрытый в тумане. Тихий Холм. Silent Hill.

Я бреду по улице Кэрролла, сизый туман застит фасады домов. Мне слышится истерический смех из-за двери местного кафетерия, но я не собираюсь туда заходить. Смех слишком страшный. Совершенно не хочу знать, кому же он принадлежит...

На стене кафе кривая надпись «Пр0 молОдыХ, длЯ стАриКов». Что бы это всё значило? Ускоряя шаг, ухожу прочь. Сворачиваю на улицу Чехова. Из глубины тумана ко мне медленно движется что-то. Тёмная фигура, нечёткие очертания, точно рогатая клякса с крыльями, она идёт на меня!

Я убегаю от этого кошмара, но не могу выбраться из него.

Остановившись на улице Горького пробую хоть немного придти в себя, сконцентрироваться. Нужно сообразить, что делать. Надо найти ориентир или карту. Указатели, стрелки на стенах – ничего этого нет, они стёрты. Вместо них жуткие рожицы, рисованные мелом (хищные улыбки чудовищ). Повсюду туман...

Я гляжу себе под ноги, вижу цветы и еловые ветви на тротуаре.

Неожиданно натыкаюсь на доску объявлений. К ней прикреплена карта «маршрута». Срываю её, убираю в карман, предварительно посмотрев – куда идти. Чёрным крестиком на карте отмечены несколько мест: супермаркет, бар, музей, гостиница и больница.

Местный музей истории города находится ближе всего, в квартале отсюда. Иду туда быстрым шагом. Нечисть во всяческих проявлениях мне, слава Богу, не встретилась по дороге.

Старинное здание музея утонуло в тумане. Я почти на ощупь открыл входные двери, зашёл в мягкий сумрак холла.

Музейные залы были пусты. Такое чувство, будто люди бывали здесь несколько десятков лет назад. Пыльные портреты и фотографии по стенам. Древние экспонаты на стендах под стеклом. История Сайлент Хилла, без прикрас. И, конечно, без правды...

Вдруг слышу шум. Где-то под полом (наверно, в подвале) равномерные стуки. Чем-то железным пробивают цементную кладку. Судя по громкости звука – сила ударов невероятная. Какой-то гигант проламывает фундамент здания. Тут же я замечаю старинные часы. Они стоят в дальнем углу зала, у зеркала. На циферблате что-то блестит. Это ключ. Я срываю его.

С потолка начинает сыпаться штукатурка, а звук из подвала перерастает в гул, удары подобны раскатам грома в самую дикую грозу. Я понимаю, что музей начал разваливаться, сейчас рухнет крыша, обрушатся стены.

Секунда промедления – и здание превратится в гробницу. А я стану её единственным «постояльцем»...

Успеваю выбежать в объятия тумана. Обрушение музея внезапно прекращается, будто кто-то нажал клавишу «СТОП». Не слышно страшного гула, закончились звуки ударов из-под земли.

У витрины зоомагазина напротив стоит девушка в фиолетовом платье. У неё белые (точно новый халат врача) волосы и светло-синие глаза. Она глядит на меня и начинает смеяться. Смех этот сводит меня с ума. Девушка мило улыбается, подходит ко мне, цокая шпильками своих чёрных туфелек, и весело говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.